

Я, СОБАЧКА

ВИКА ВОЙЦЕК

СЕРИЯ
НЕДЕТСКИЕ
КНИЖКИ

16+

Недетские книжки

Вика Войцек

Я, собачка

«Самокат»

2023

Войцек В.

Я, собачка / В. Войцек — «Самокат», 2023 — (Недетские книжки)

ISBN 978-5-00167-559-4

Разговаривать с незнакомцами нельзя – это правило восьмилетняя Марина знает хорошо. Но в чужом большом городе, куда ее привозит поезд, спасая от бед и опасностей родного маленького городка, знакомцев у Марины нет. Зато ей встречается добрая и красивая женщина Бабочка, которая знает Толстого Дядю, сопровождавшего Марину в чужой город. Так что ничего страшного, если Марина неделю поживет у Бабочки, дожидаясь приезда мамы. Вот только чужой город уже раскинул сеть, как паук, и выжидает, когда в нее попадется доверчивая мушка-Марина. В своем романе, сочетающем в себе реализм и сказочный нарратив, Вика Войцек говорит голосом всех детей, которые стали игрушками в руках взрослых, всех детей, которые глядят на нас с бесчисленных объявлений о пропавших без вести.

ISBN 978-5-00167-559-4

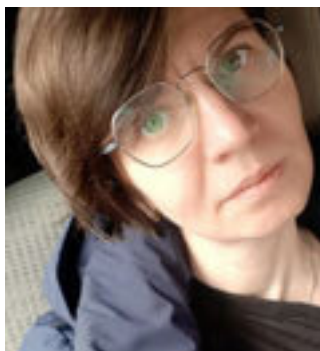
© Войцек В., 2023

© Самокат, 2023

Содержание

Первый день без имени	6
Первый день без имени продолжается	15
Сказка о Бумажном Принце	23
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Вика Войцек Я, собачка

© Вика Войцек, текст, 2023

© Издание на русском языке. ООО «Издательский дом «Самокат», 2023

Игрушечная собачка, б/у, 8 лет, может, чуть больше.

Первый день без имени

– Как тебя зовут?

Вначале были руки – узкие, с короткими пальцами и белыми ногтями. На одном сидела ненастоящая бабочка. Марина подумала, что хочет скovyрнуть ее, явно прилипшую своими черными тоненькими лапками. Раньше она часто ловила бабочек в кокон из ладошек, а потом заглядывала в узкую темную щель между пальцами, ожидая чуда. Но мама сказала, так нельзя и надо отпускать. Поэтому Марина смотрела на бабочку с жалостью, а на хозяйку рук – с отвращением.

– Марина, – все же представилась она.

– Хорошо, – ответила хозяйка рук быстро, будто и не услышала. Сама не назвалась, только повертела Марину за плечо и почесала бабочкой длинный нос. – А мама где?

А еще мама запрещала говорить с незнакомцами. Но как быть, если знакомцев Марина вокруг не видела? Чужой город плел над головой паутину и дышал черным дымом, чужие люди смотрели пустыми глазами сквозь нее, зевая в кулаки и книжные обложки.

Марина стояла у гремющей гусеницы поезда, размышляя о том, что, наверно, когда она сплетет кокон, то поспит немного и превратится в самолет. Потом пришла женщина с бабочкой и в белых брюках, тряхнула пружинками светлых кудрей и опустилась перед ней на одно колено, будто они были знакомы. Но Марина впервые видела ее, такую легкую, словно сотканную из облаков. Взглядом она искала в толпе Толстого Дядю, с которым и приехала сюда. Толстый Дядя носил жилетку и усы. Он забрал Марину из маминых рук, тогда, на вокзале, и протянул подтаявшую шоколадную конфету. А потом их – Марину, Толстого Дядю и конфету – зажала хлынувшая в вагон толпа.

Таким был последний раз, когда она видела маму.

Затем они долго ехали. Люди редели, как старческие волосы, а оставшиеся раскладывали на полу вещи и ложились сверху. Марина сунула под голову рюкзачок, а Толстый Дядя открыл пасть потертого коричневого чемодана, где прятались одежда, пара палок колбасы, с десятков пачек печенья и чайный гриб, свернувшийся в слишком маленькой баночке. Пить его Марина отказалась, а вот Толстый Дядя, крикнув, сделал большущий глоток и выудил из-под мятой рубашки пакет конфет со сгущенкой. «Взрослые не могут быть сладкоежками», – обиженно подумала Марина, но от угощения не отказалась.

Сейчас же, стоя неподалеку от высокого здания, похожего на стеклянную башню, Марина озиралась и старательно делала вид, что не замечает женщину. Утро не спешило начинаться, зал ожидания светился изнутри желтым, приманивая недавно вывалившихся из железной гусеницы людей. Белый снежный ковер превратили в грязную кашу сотни ботинок, но Марина все еще замечала его кусочки, нетронутые и блестящие, на деревянных лавках и козырьках, а еще на одиноком зеленом вагончике, притулившемся сбоку от длиннохвостых поездов.

– Не знаю, – честно сказала Марина, выдохнув в воздух крошечное белое облачко. Сунув в карман короткой курточки руку, она нащупала фантик, достала его и понюхала – он до сих пор пах шоколадом.

– А папа? – В голосе женщины зазвенела обеспокоенность, похожая на назойливого, не дающего спать комара.

– А папа нас защищает, – проворчала Марина, немного обиженная, что папа однажды просто ушел, как уходил каждое утро на работу, и не вернулся вечером.

Мама тогда объяснила, что где-то далеко падают люди и умирают здания. Говорила об этом и соседка – показывала на свои уши, щелкала языком и закатывала глаза, будто сама слышала взрывы, и не по телевизору, а на самом деле. Но в их маленьком городке ничего не случилось, никто не падал и не умирал, а значит, папа просто ушел, устав от маминых криков

и бабушкиных слез. Марина бы отправилась за ним, если бы знала куда. Однажды она даже надела новые розовые сапожки, мягкие снаружи и внутри, и шапку с завязками, но мама оттащила ее от двери, принялась дрожащими руками расстегивать пуговицы на пуховике и шмыгать носом.

А потом от папы пришло короткое сообщение. И мама с Мариной побежали. За призом в виде не по-сказочному золотого билета, способного увезти их подальше, туда, где хотя бы не пропадают чужие папы. Но билетов не было. И даже свой Марина получила от Толстого Дяди, который успел в то утро болезненно потерять кого-то очень важного. Так Толстому Дяде доверили оберегать Марину, а Марине – вытягивать тонущего Толстого Дядю из зацветающего пруда его мыслей.

– От кого защищает? – засмеялась женщина, прикрыв рот бабочкой.

– А вы не видели тут такого толстого дядю? – решила поинтересоваться Марина, раз уж женщина все равно с ней заговорила. К тому же от кого защищает папа, ей никогда и не рассказывали, а прослыть совсем глупой она не хотела. – У него усы щеткой, коричневый чемодан и клетчатые штаны. – Казалось, по такому описанию он легко отыщется. Но для верности Марина решила добавить: – Он языку учит. Иностранному. И делает шкафы.

В их маленьком городке все взрослые друг друга знали – по крайней мере, так думала Марина, – а значит, это правило должно работать и здесь. Женщина вскинула тонкие, явно нарисованные брови, заулыбалась мелкими белыми зубами, слишком ненастоящими для живого человека, а в ее больших синих глазах прочиталось узнавание: она точно поняла, о ком ее спросили.

– А-а-а, – протянула она, глянув в сторону зала ожидания. – Андрей Геннадьич?

Марина нахмурилась, как делали взрослые всякий раз, когда очень сильно задумывались. Она помнила о Толстом Дяде многое: что он пах бабушкиными котлетами, носил шелкающие ботинки и смешно ворчал себе под нос, стоило только дверям поезда открыться и выпустить внутрь еще больше холода. Но его имя в голове Марины не задержалось. Оно выпало из уха, едва в него влетев.

В тот момент, когда поезд только остановился, Толстый Дядя держал Марину за руку и крепко сжимал ладонь своими пальцами-сосисками. А потом он сказал: «Стой тут» – и ушел, расталкивая толпу широкими круглыми плечами. Марина помнила, где должна была ждать: у синего столба, похожего на низенькое лысое дерево. Но спешащие люди пихались, а ноги мерзли, и она решила немного походить. Пока не обнаружила, что заблудилась.

– Да, – уверенно ответила Марина, чтобы женщина, которую она про себя уже прозвала Бабочкой, не посчитала ее совсем уж невнимательной: это же надо было где-то потерять человеческое имя. Вместе с самим человеком.

– Так это, выходит, он меня за тобой послал! – Она громко хлопнула в ладоши рядом с Мариным лицом и сцапала ее за руку. Красивые острые ногти задели порозовевшую от мороза кожу – дурацкие красные варежки Марина запрятала в карман поглубже. Неподвижная бабочка теперь сидела недалеко от ее мизинца. – У тебя билет с собой?

– А зачем это? – не поняла Марина.

Билет у нее был, и не один, а несколько – по количеству поездов. В какой-то момент ей даже показалось, что с Толстым Дядей она объехала половину земного шарика. Толстый Дядя тоже вроде бы говорил, что билеты это важно. Так что последний, самый свежий, она припрятала в одну из тех самых варежек и иногда доставала – помять.

– А иначе не выпустят. Понимаешь? – спросила Бабочка и кивнула, стряхивая редкие снежинки с волос.

Снег застыл, отказываясь падать на чужой город. Но уже сорвавшиеся с облаков белые хлопья никак не могли остановиться и плавно летели вниз, танцуя как в последний раз. Марина кивнула медленно, с сомнением, и выудила из кармана мятый клочок бумаги.

Бабочка тяжело вздохнула и, волоча Марину за собой, пошла вперед. Ее каблучки оставляли в потемневшем снегу дыры, издевательски цокая. Марина то и дело оборачивалась – на дышащие вагоны, которые явно собирались брать разбег. Какие-то из них совсем скоро отправятся в маленький городок, забыв Марину в стеклянном паучьем царстве.

Бабочка и Марина плелись в хвосте груженной чемоданами толпы, лениво бредущей к сказочной башне, когда к поездам выбежала женщина. Растрепанная, она тряслась и стучала зубами, а ее глаза цеплялись за каждого проходящего крючьями, стараясь удержать хотя бы на секунду. Люди отмахивались, обходили, будто женщина была грязной и неприятно пахла. И тогда она закричала:

– Ванечка!

На ней были светлые босоножки с красивыми цветами и теплые колготки. Но куда больше Марину удивило блестящее черное платье. Казалось, женщина собиралась в дом культуры, на выступление приезжих музыкантов, а никак не на вокзал, к холоду, снегу и абсолютно безразличной толпе.

– Вы не видели моего Ванечку? – вновь закричала она и полезла исцарапанными руками в маленькую сумку под мышкой.

Оттуда она выудила сложенную пополам фотографию, будто перечеркнутую толстой белой трещиной. Со снимка на Марину смотрел мальчик с большими, как у инопланетянина, глазами. Ей ой как не хотелось, чтобы женщина нападала на нее и, тыча в лицо безносым изображением, спрашивала о Ванечке, которого она видела впервые. Но почему-то женщина метнулась именно к Марине.

– Ва-анечку моего-о, – завывала она, – ма-аленького...

– Вы с ума сошли? – взвизгнула Бабочка, уводя Марину себе за спину. – Вы ее пугаете!

– Опять она, – раздался сбоку раздраженный мужской голос, после чего послышалось цоканье языком. – Сидела бы дома.

– Алеша! – шикнул на него голос женский, из которого во все стороны плескалось сочувствие.

Бабочка пошла дальше, безгласно обогнув женщину в красивых босоножках. Марина была благодарна: она не любила криков, которых за последнее время в их маленьком домике, одном из множества маленьких домиков на улице, стало слишком много. К тому же мальчик с фотографии, разделенный на две половины белым заломом, пугал не меньше.

Обернувшись напоследок, Марина увидела двух широких мужчин в форме. Они выглядели квадратными из-за теплых шапок и наглухо застегнутых, будто обнимавших шею меховых воротников. Марине полицейские никогда не нравились – может, потому что она их почти не видела, а значит, не понимала, зачем они нужны. А вот папа, наоборот, постоянно смотрел на них в телевизор. Там мужчины в форме – не такие квадратные – расследовали запутанные дела, всякий раз удивляя и папу, и Марину. На вопрос, почему сам не стал полицейским, он всегда отвечал, что преступники однажды закончатся, а вот проводка – никогда. Папа чинил электричество, за это его все уважали.

Стеклянное здание, в котором Марина и не думала побывать, открыло перед Бабочкой свои двери и окутало теплом. Внутри было много места – и так же много людей, которые сидели на лавках и приросших друг к другу стульях, стояли у касс или просто болтали, пристроив локти на вытянутые ручки чемоданов и чемоданчиков. Потолок стремился вверх, будто пытаясь коснуться неба. Даже если бы Бабочка взяла Марину на руки, она бы не дотянулась до него и кончиком самого длинного пальца.

Шум стоял такой, что хотелось заткнуть уши. Здесь, в тепле, никто и не вспоминал женщину в красивых босоножках. Люди отогревались, расстегивали верхние пуговицы на своей теплой одежде. А еще – загораживали собою всё, кроме табличек высоко над головами, кото-

рые Марине было попросту неинтересно читать. И никто не спрашивал о Ванечке: ему не хватило места среди счастливых раскрасневшихся лиц.

– Давай билет, – попросила Бабочка, и Марина, разгладив грустный клочок бумажки, протянула ей.

Та скормила билет какому-то аппарату, и он раскрыл маленькие прозрачные двери. Бабочка вытолкнула вперед Марину и вышла следом. За эти несколько коротких секунд Марина успела не на шутку переволноваться: а вдруг Бабочка исчезнет так же, как Толстый Дядя; а вдруг ее, как и женщину в красивых босоножках, будут обходить и никто не захочет помочь. Но вот ладошки вновь коснулась теплая рука, и Марина расслабилась.

В кармане Бабочки ожила мелодия: запищали печальные скрипки, застучали дождевыми капельками клавиши пианино, после чего громом ударил барабан. Бабочка вытащила плоский черный прямоугольник, смахнула что-то пальцем с экрана и поднесла его к уху.

– Да? – обратилась она к невидимому собеседнику, а затем, глянув на Марину, подмигнула ей и перешла на шепот – наверно, не хотела, чтобы кто-то еще ее услышал: – А вот и Андрей Геннадьич.

До Марины долетали лишь отголоски густого мужского баса – конечно, трещащего и глухого, но телефоны, вредные кнопчатые коробки, частенько пережевывали человеческую речь. Уже этих отголосков хватило, чтобы она вспомнила запах бабушкиных котлет, чайный гриб и пару палок колбасы. Марина заулыбалась – чужой город, похоже, не так уж отличался от маленького – и вновь нащупала в кармане фантик, на удачу.

– Уже нашла, не волнуйтесь. Все с вашей Мариной хорошо, – ворковала в трубку Бабочка. – Я ее пока заберу к себе. – Она вновь обратилась к Марине, по-доброму сощулив светлые глаза: – Не возражаешь?

Конечно же, Марина замотала головой: здесь не было ее друзей, родных и дома, и она совершенно точно не собиралась ночевать на улице, как бродяга. Замерзших зимой людей папины полицейские тоже находили и выглядели при этом крайне разочарованными. Расстраивать еще и их Марине не хотелось.

Улице определенно не понравилось, что Марина какое-то время пряталась внутри стеклянного дома: она принялась кусать щеки и ладошки холодным ветром. Бабочка все говорила, прижимая телефон плечом к уху и убирая от лица кудряшки, то и дело липнущие к блестящим губам. Они шли вниз, к полосатому шлагбауму и пустым каменным вазам, пока серое небо лениво синело. Марина перескакивала с плитки на плитку, стараясь не наступать на стыки, когда к ее ногам подлетела бумажка. Обычный белый листок – на таких папа печатал документы, а сама Марина рисовала лошадей и принцесс. Углы его пожелтели от клея.

Бабочка как раз остановилась и выпустила Маринину ладонь, чтобы поправить бесполезный ремешок на белых полусапожках. Марина тут же сцапала листок, местами прозрачный от снега, и перевернула – клею от себя. С черной зернистой фотографии на нее смотрел Ванечка, а под его портретом шли одно за другим строгие слова. Потерялся неделю назад. Глаза серые, волосы русые. На подбородке и щеке шрам (укусила собака). Носил черную курточку с широкой серебристой молнией и белый шарф (маленький джентльмен, что бы это ни значило). На ключах – брелок в виде подвешенного за шкуру медведя. Плохо видит, но не носит очки. Одиннадцать лет. Нашедшему – просьба позвонить.

– Что это? – в ухо влетел чуть раздраженный возглас Бабочки. В этот момент она напонила маму, которая так же ругалась, стоило Марине подобрать что-то с земли.

– Мальчик потерялся. – Она потрясла листком. – Можно я возьму? Если мы найдем Ванечку, то позвоним вот сюда. – Она указала на цифры в самом низу объявления.

– Хорошо, – уступила Бабочка и даже улыбнулась. – Вот так не следят за детьми, а они потом пропадают. А что было бы, если бы я тебя не нашла? – Она страдальчески вздохнула.

«И правда», – подумала Марина и вновь вложила ладонь в теплую руку Бабочки. Когда она встретит Толстого Дядю, то непременно спросит, почему он бросил ее ждать у металлического лысого дерева, к которому она почти приросла спиной, а сам пропал? Бабушка звала такое длинным словом «безответственность» и часто ругала за нее маму, любившую оставить Марину дома и уйти гулять до позднего вечера.

По дороге Марина разглядывала круглые носы своих сапожек, успевшие испачкаться в темной снежной каше. Грязные пятна виднелись даже на теплых белых колготках, натянутых почти до груди. А вот Бабочка, носившая светлое, была чистой. Марине казалось даже, что она идет не касаясь земли. Но каблук отбивали дробь по плитке, и от них разлетались в стороны коричневые шматки и брызги. Пара даже осела на Маринином пуховике.

– Надо позвонить маме, а то она волноваться будет, – подумала вслух Марина, не надеясь, что Бабочка услышит ее.

Но та успела убрать телефон в сумку и со щелчком закрыть ее – легким движением руки, будто играла в театре. Порой Бабочкины жесты выглядели неестественными, но такими красивыми, что Марине хотелось их повторить. Но она могла лишь подпрыгнуть, громыхнув забытым доверху рюкзачком.

– А ты помнишь номер? – спросила Бабочка, осматриваясь.

Карамельно-полосатый шлагбаум остался позади. Перед ними простиралась площадь, заставленная машинами и опоясанная широкой дорогой, по которой лениво плелся автобус. Марина с открытым ртом глядела по сторонам: на высокие здания и козырьки с надписями, на светящиеся окошки и птичек, сидящих на пустых, похожих на маленькие фонтанчики клумбах. Взгляд не успевал задержаться на чем-то одном – тут же перепрыгивал на другое. Чужой город был огромным пауком, теперь Марина в этом не сомневалась. И все равно мерк перед стеклянной башней, слишком выделявшейся на фоне желтовато-коричневых домов.

– Не помню, – пробормотала Марина, отвлекаясь от плаката. Там счастливого вида мужчина разговаривал с кем-то по телефону, совершенно не обращая внимания на то, сколько вокруг людей. Они, как и Марина, осматривались, стараясь запомнить каждую мелочь.

– Ничего, Андрей Геннадьич помнит. Вот вместе и позвоните, – улыбнулась Бабочка.

Отвлекаясь от Марины, она вдруг замахала кому-то рукой и прибавила шагу. Тем временем автобус, шумно выдохнув и будто бы осев под весом новых пассажиров, сдвинулся с места и, покачиваясь, поехал дальше. Бабочка тут же поспешила через дорогу. Коротеньких Марининых ножек едва хватало, чтобы поспевать за ней – а она летела, не глядя по сторонам.

Мама говорила, так делать нельзя. Марина даже собралась об этом напомнить, но тут заметила черную машину в белой снежной накидке, а рядом – мужчину, который широко улыбнулся, стоило подойти ближе. Он приподнял плоскую, напоминавшую подгоревший блин кепочку за козырек, хитро подмигнул Марине, будто знал какой-то известный только им двоим секрет, и низко поклонился Бабочке. Та усмехнулась, но резко, рвано – она тяжело дышала, прижав ладонь к груди, и покачивала головой. Марина, проследив за белым облаком ее волос, тут же потянулась к своим, выглядывающим из-под вязаной шапки с цветком. Они тоже были светлыми, но не такими густыми и даже не такими кудрявыми.

– А это кто у нас? – спросил мужчина так радостно, что Марина смутилась – и даже не смогла представиться.

– Подружка моя, – отозвалась Бабочка. – Мариночка. Она приехала с Андрей Геннадьичем.

Видимо, он делал очень хорошие шкафы, раз даже здесь о нем знали все. Мужчина закивал с самым задумчивым видом, а затем, опустившись коленом прямо на мокрый асфальт, протянул Марине широкую ладонь в плотной черной перчатке, которая скрипнула, стоило ему растопырить пальцы.

– Давай клешню, – сказал он. – Меня звать Алексеем.

Марина поначалу подала руку с истрепанным листком, но тут же убрала его за спину: Алексей с его кривозубой улыбкой почему-то страшно ее смущал, она даже чувствовала, как краснеют подмерзшие щеки.

– Не пугай ребенка! – возмутилась Бабочка и по-дружески дернула его за отороченный мехом ворот: наверно, эти двое были давно знакомы.

– Почему сразу пугаю? – заворчал Алексей. Он вел себя как папины друзья: добродушно тряс ее ладонь, улыбался не только ртом, но и глазами. – А что у тебя там за бумажка? – Этот вопрос прилетел напрямиком к Марине.

– Да вот, – пробормотала она, выуживая из-за спины листок и разворачивая Ванежкиным лицом к Алексею, – тут мальчик потерялся. Я подумала: вдруг найду.

– Это дело, – согласился он, почесывая короткую темную щетину на подбородке. – Ты не пугайся только. Здесь такое нечасто случается, а если кто пропадает, то находится, это точно. Город у нас добрый, большой. Ангелина как-нибудь тебе тут все покажет. – Он кивнул на Бабочку, и Марина поняла: это ее имя. Красивое и необычное, как и она сама. В суматохе Марина и не подумала спросить у Бабочки, как ее зовут. Наверно, это было крайне невежливо. – Можете меня за компанию взять.

Раздраженный вздох Бабочки заглушили выхлопы машины, уезжавшей со стоянки. Люди, высыпавшие из стеклянной башни, спешили сбежать от нее. Они мерзли в коробочке остановки, усевшись на лавку, словно попугайчики на жердочку, бежали к автомобилям, но не по «зебре», а как они с Бабочкой – неправильно. Марина хотела бы вернуться сюда – все-таки она раньше не видела таких высоких зданий, – но позже и точно в компании взрослого. Возможно, даже Алексея, который сможет поднять ее на руки, высоко-высоко.

– У меня сейчас зубы застучат, – закапризничала Бабочка, сунув покрасневшие ладони в карманы. – По дороге поговорите.

– Прошу. – Алексей не стал спорить: отворил перед ней дверцу и, вежливо склонившись, пригласил внутрь.

Бабочка развернулась спиной, изящно уронила себя в пассажирское кресло и обстучала полусапожки, стряхивая с них, почти не запачкавшихся, потемневший липкий снег. Следом Алексей распахнул заднюю дверь перед Мариной и, взяв ее за запястья, помог влететь в холодное, пропахшее бензином нутро машины. Марина тоже хотела потопать, чтобы стряхнуть грязь с подошв, но немножечко не успела.

– Куда везем? – спросил Алексей, усаживаясь за руль. – К Геннадьичу?

– Пока что ко мне, – уточнила Бабочка. Марина видела лишь ее светлые локоны и очень пушистый воротник, который так и хотелось помять пальцами. Но оставалось только скинуть со спины рюкзачок и убрать в книгу листок с фотографией Вани. – У Андрея Геннадьича пока дела. У меня места хватит. – Бабочка выглянула из-за спинки кресла, улыбнулась своими розовыми губами и обратилась к Марине: – Ты, наверно, совсем голодная?

Марина о таком и не задумывалась: было некогда. Но стоило только вопросу прозвучать, как желудок запищал, словно щеночек, и Марине стало очень и очень стыдно. Она прикрыла живот ладонями, но тот не унимался, и даже урчание машины, вибрировавшей под Марининой попой, не заглушало этих звуков. Алексей захохотал, стянув с головы свой черный блин, и отер лоб тыльной стороной ладони.

– Голодная, – заметила Бабочка со знакомой интонацией.

Так говорила не мама и не бабушка. А многочисленные тети. Мама на них всегда обижалась, объясняя удивленной Марине, что такие замечания называются шпильками – ими люди колют друг друга, делая хоть и не больно, но ужасно неприятно. Раньше Марина не совсем понимала это, но теперь вдруг почувствовала себя очень и очень виноватой. Захотелось замотать головой, ответить, что она вовсе не голодная. Но воздух задрожал от голоса Алексея:

– Ге-е-е-ля, – он растянул слово так, будто выдавливал пасту из тюбика, пока та не вышла полностью, – ну тебе же не восемьдесят лет, чего бухтишь? Заедем куда-нибудь, возьмем что в себя закинуть. Ты же, наверно, тоже не ела ни хрена.

Странное сокращение полного имени – «Ангелина» – звучало липко и блестяще и Марине совсем не нравилось. Она даже поежилась, будто по неосторожности коснулась его кончиками пальцев. Но от этого обращения надувшаяся Бабочка мгновенно оттаяла, морщинка, показавшаяся между бровей, разгладилась. Бабочка вновь скрылась за спинкой кресла, оставив после себя лишь запах духов, смешавшийся с машинным и почти сразу пропавший. Марина попыталась поймать его, удержать, но салон уже наполнило тошнотворное тепло. Оставалось только стянуть шапку, пахнущую поездом и детским шампунем, и сунуть в нее нос. Марина дышала дорогой от дома – в неизвестность.

– Эй, постреленок, – послышался голос Алексея. Обращался он явно к Марине, пускай и звал ее незнакомым словом. – Совсем тебе плохо? Окошко открыть, может?

– Никаких окон! – строго возразила Бабочка. Марина даже представила, как она скрещивает на груди руки, желая выглядеть еще более недовольной. – Простудится еще!

– Боишься, попа чихать будет? – спросил Алексей – и Бабочка хохотнула, пусть и сразу скрыла смех за кашлем. Да даже Марину позабавило его замечание.

– Дурак! – выпалила Бабочка, но уже совсем не раздраженно. – Хорошо, заедем по дороге перекусить. Но чтобы быстро.

Она пыталась вновь казаться строгой, но удавалось плохо. А затем она и вовсе включила музыку – негромко, но слышно – и принялась подпевать. Алексей подхватил. Марина присоединилась последней: она не знала слов, зато ей нравилось наполнившее машину, накрывшее всех настроение. Она вновь почувствовала то, что потеряла, когда мама выволокла ее из дома, ругаясь сквозь зубы и приговаривая: «Скорее. Скорее. Скорее», – спокойствие.

Она обязательно позвонит.

Она обязательно скажет, что с ней все хорошо.

Она обязательно попросит поскорее приехать и забрать ее в маленький городок.

Но пока незнакомая песня лилась из нее случайными словами, а салон теплел – можно было даже снять куртку. Он так же неприятно пах, но Марину это волновало все меньше. Она слышала улыбку Бабочки и смех Алексея. И почему-то представляла Ваню, сидевшего рядом: он задорно болтал ногами и покачивал головой, зажмурив инопланетные глаза. В кулаке он сжимал ключи – наверняка боялся потерять, – с которых свисал тот самый подвешенный за шкурку медведь. Марина попыталась рассмотреть брелок, но в этот момент машина резко затормозила, а через лобовое стекло в салон заглянул сердитый красный глаз светофора.

Сквозь затемненные окна – папа говорил, у них свое особенное название – новый город казался вечно спящим, будто заблудившимся в бесконечной ночи. Марина протянула ему руку, вплющила ладошку в холодную гладкость стекла. Город смотрел на нее, но не видел. Он выплевывал людей из дверных проемов и рычал машинами. «Я укушу, откушу, проглочу. Даже косточек не оставлю», – пугал Марину город. Но она бесстрашно делилась с ним теплом. И надеялась, что он его немножечко чувствует.

– Бургер хочешь? – вдруг отвлек ее Алексей. Он успел повернуться, когда зеленый кругляк отпечатал на его щеке свой свет.

– Мама говорит, это вредно, – взросло ответила Марина, приглаживая растрепавшиеся волосы. – От него потом живот болит.

– А ты, значит, не пробовала? – усмехнулся он, вновь отправляя машину вперед. – Всему вас, девки, учить надо. Как завещал котенок Гав: «Если осторожно, то можно». И не будете вы ни толстыми, ни вредными, ни больными.

– Трепло ты, Лешик, – устало вздохнула Бабочка, сминая и приподнимая пальцами свои кудри, отчего они обращались настоящими белыми барашками. Таких Марина часто рисовала в тетради – они играли с буквами.

– А не понравится – отдашь мне. Я голодный сегодня, как скотина.

Никто не ответил. Но и по молчанию было ясно: и Марина, и Бабочка согласились. Поэтому Алексей зарулил на парковку у темно-зеленого здания с опоясывающим его коричневым козырьком и скрылся за дверьми, оставив проголодавшихся пассажиров ждать его в теплом нутре машины. Бледный свет с потолка медленно поедало холодное утро. Марина удивлялась: когда солнце вставало в маленьком городке, к нему возвращались краски, чужой же город оставался серым, будто с выцветшей фотографии.

Когда Алексей вернулся, в его руках шуршали непривычно пахнущие пакеты. В них была непохожая на картошку картошка и круглые булки с котлетами в хрустящей бумаге. Одну из таких Марина робко взяла и осторожно, стараясь не шуметь, принялась разворачивать. Ей было страшно. Страшно и неправильно. Окажись рядом мама, обязательно отчитала бы – что берет еду немытыми руками, что питается не пойми как. У Марины горели щеки, а кусала она, крепко зажмурившись.

Но никто ее не отчитывал. И это тоже казалось неправильным.

– Ну как? – только и поинтересовался Алексей, отправляя в рот целую пригоршню картофельных палочек.

– Вкусно, – тихо ответила Марина, немножко стесняясь это признавать.

– А чего так неуверенно? – хохотнул он. – Вон, Геля за обе щеки уплетает. Довольная такая.

– Ой, помолчал бы, – недовольно бросила Бабочка и провела по губам мизинцем, смахивая крошки. Жест Марине очень понравился: она непременно попробует так же. Может, выйдет некрасиво, но лишь потому, что у нее нет белых ногтей, на которые садятся ненастоящие бабочки.

Свою еду Алексей положил на колени и тронулся, время от времени ныряя за картошкой. Марина же понемногу обкусывала полукруглую булку, сохраняя напоследок все, что лежит под ней. А когда на руках остался лишь сок от помидоров и белые пятна соуса, она принялась облизывать ладони, изредка поглядывая в зеркало над лобовым стеклом и надеясь, что Алексей не видит. Бабочка же вытирала пальцы влажными салфетками.

Совсем скоро машина замерла у невысокого синего бордюра, рядом с домом, в котором Марина насчитала девять этажей. Под окнами ютилась стоматология (если надпись, конечно, не врал), выглядевшая нелепо: ее словно вылепили из остатков пластилина и приклеили к стене из оранжевого кирпича. Марина вздрогнула и принялась тереть зубы рукавом: она не чистила их целый день, у нее даже щетки с собой не было.

– Ты что делаешь? – возмутилась Бабочка, поймав Марину за странным занятием.

– В порядок себя приводит, – объяснил Алексей, зашуршав пакетом. Видимо, пытался найти завалившиеся на дне картошины.

– Я тебе щетку куплю. – Бабочка скривила лицо и на мгновение стала некрасивая. Но брови снова обернулись белыми дугами вместо острых углов, а поджатые губы расползлись в улыбке. – Ты же в поезде спала. Куртка вся грязная. – На этот раз она не ругалась, а говорила мягко, как переживающая мама.

– Я могу метнуться быстренько. Глазом моргнуть не успеешь! – Алексей ловко щелкнул пальцами. – Еще и торт принесу. К чаю. Маргарита Станиславовна...

– Выгонит она тебя. – Бабочка не дала ему договорить. – Сам знаешь, что ты ей не нравишься. Потому что ты, Лешик, трепло.

– Трепло с тортом, – заметил он, заглушая машину. Та чихнула и, выдохнув, перестала урчать довольным котом. – Вылезай, Мариш. Видишь, не хотят меня пускать. Ну ничего, еще увидимся же, да?

– Да, – не слишком уверенно сказала Марина, вовремя опустив голову, чтобы не видеть его улыбку, которая каким-то чудесным образом вмиг лишала выбора.

Закинув мусор в рюкзачок, а рюкзачок – на плечи, Марина встала. Лежавшая на коленях шапка, о которой она благополучно забыла, упала прямо в оставленную сапогами лужу. Завязки свернулись двумя грустными спиральками. Марина наклонилась за ней, сгибаясь под тяжестью рюкзачка, подняла двумя пальцами за цветок – и вдруг заметила что-то прямо рядом с пассажирским креслом: небольшое, непонятное, явно застрявшее. «Наверно, Алексей потерял», – подумала Марина, потянувшись за вещицей. Она собиралась уже открыть рот, радостно сообщить о находке, которую с трудом удалось вытащить, – но так и не смогла заговорить.

– Ну чего ты там застыла? – обратилась к ней Бабочка, приоткрывшая дверь и высунувшая на улицу свои красивые сапоги с ремешками.

– Да вот, шапку уронила, – промямлила Марина. – Прямо в лужу.

– Ничего, постира-аем. – Бабочка зевнула, совсем не изящно потягиваясь.

Марина стояла недвижно. Рюкзачок пытался придавить ее к земле. А в ладошке лежал подвешенный за шкурку медведь с тонкой порванной цепочкой, торчавшей из головы.

Первый день без имени продолжается

Замок опасно клацнул рядом с Бабочкиными пальцами, и дверь ввалилась внутрь.

– Ты только не бойся, – предупредила Бабочка, проталкивая Марину вперед, в темный узкий коридор.

Квартира чем-то напоминала их дом в маленьком городке. Пока Марина топталась на коврике с вежливой надписью, стряхивая грязный снег с сапожек, она успела рассмотреть бежевые обои с белым узором: кое-где они выпвели, а по углам у самого потолка свернулись в рулончики. Тяжелый шкаф – из-за него коридор казался еще уже – будто стоял здесь со времен, которые папа тепло звал советскими. Марина их не застала, но вещи там делались крепкие, великанские. И скрипучие. Так и шкаф тихо завизжал поросенком, когда Бабочка скормила ему Маринину куртку.

– Ангелиночка? – Голос хозяйки шкафа тоже скрипел, но из комнаты, дверь в которую заменяли деревянные висюльки. Такие обычно охраняли вход в кухню и трещали, когда их раздвигали в стороны.

«Как вша», – недовольно бурчала бабушка, стоило маме появиться из кухни, затрещав точно такими же висюлками. Конечно, мама воспринимала эти слова на свой счет и обижалась.

– Да сиди ты, – недовольно бросила Бабочка, и в этот момент ее движения заострились: она резко дернула язычок молнии вниз и стряхнула с себя куртку, будто та очень сильно ее разозлила. – Хоть на этот раз не забыла, как меня зовут, – сказала она еще тише, чтобы не слышала хозяйка шкафа.

– А как же я могу-то? Как могу-то сидеть, когда Ангелиночка, дочечка моя, приехала?

Из-за поворота, треща висюлками, вышла маленькая женщина. Она вся была в складках кожи, чем напоминала Марине забавных собак-гармошек. Она носила черный в ярких узорах и таких же ярких дырках халат, белые гольфы и слишком большие тапочки, которые шлепали при каждом шаге. А ее седые волосы походили на облако – совсем как у Бабочки.

– Ой, а ты и не одна! – удивилась Маленькая Женщина и громко хлопнула сухими морщинистыми ладонями, после чего сильнее закуталась в халат, в дырках которого проглядывали старые коленки.

– Здравствуйте, – сказала Марина, вспомнив о вежливости. Она уже расстегнула сапожки и поставила их рядом с Бабочкиными, красивыми и взрослыми.

– Ма-ам, – устало протянула Бабочка, заправляя кудряшки за уши: только сейчас Марина заметила, какие они круглые и как торчат в стороны, зато из мочек росли тяжелые цветы, оттягивая их вниз, – это Марина. Андрей Геннадьич попросил за ней присмотреть.

– Тыфу ты. – Тонкие, почти незаметные брови Маленькой Женщины медленно поползли к переносице. – Сдался он тебе, этот Геннадьич? Он же старый! У тебя же был хороший... этот, как его... Никитка. Шустрый такой, рыженький. Он еще ногой стучать начинал, когда нервничал.

– Во-первых, не Никитка, а Олег, – поправила ее Бабочка, протянув Марине ладонь, за которую та тут же схватилась, – во-вторых, не стучал ногой, а пальцами щелкал, а в-третьих, не у меня, а у Аньки. Анька, помнишь? – Она повысила голос, мгновенно обронив терпение, когда ей не ответили: – Сестра моя!

– Коза. – Маленькая Женщина дернулась, напомнив куколку на ниточках, и посмотрела на Марину: сощуренные глазки в паутине морщинок глядели недобро, как пуговицы у старого плюшевого мишки, казавшегося из-за густой шерсти вокруг них вечно хмурым. – А ты не пугайся, деточка, – ласково прошамкала она, и ее пластилиновое лицо смялось. Губы припод-

няли уголками щеки, опустились белесые брови. Маленькая Женщина вмиг забыла про какую-то козу.

Голый пол холодил ноги – даже теплые колготки не спасали. Он состоял из множества мелких дощечек, сходящихся под углом и напоминавших бесконечно длинные лысые елки. Их изрядно погрызло время, оставив после себя темные продолговатые пятна. Будто в квартире жили, но совсем не любили ее. Марина боялась сделать шаг, поэтому так и стояла, теребя свободной рукой шнурок на вязаной розовой кофте. Как же его хотелось взять в рот и помусолить, но за это мама давала по рукам и называла Марину невежливой. А она не хотела плохо выглядеть перед Бабочкой и Маленькой Женщиной.

– Не стесняйся. – Бабочка легонько сжала Маринину ладонь своей потеплевшей рукой. – Это мама моя, Маргарита Станиславовна. В прошлом – балерина.

– Можешь звать просто бабушкой, деточка, – сказала Маленькая Женщина, вновь поднимая свои морщины улыбкой. Иногда она свистела, когда язык показывался между губ. Родная Маринина бабушка так не умела, а еще она держала зубы в миске. Возможно, миска Маленькой Женщины просто потерялась. Или сбежала, такая же нелюбимая, как и вся квартира. – Пойду чайник поставлю. Могла бы и предупредить, что приезжаешь, – с укором бросила Маленькая Женщина и скрылась, затрепав напоследок висюльками.

И стоило только ей пропасть, как Бабочка опустилась рядом с Мариной на одно колено. Она принялась взбивать Маринины волосы, пытаясь, видимо, превратить их в подобие своего белого облака. Но те были слишком тонкими. Мама вечно напоминала об этом, заплетая Марине два низких хвостика – их она обзывала крысиными. Но, глядя на мамину длинную косу, на папин вихор, Марина думала, что обязательно распушится, только позже.

– Она немного не в себе, – зашептала Бабочка, стряхивая с Марины невидимую пыль и поправляя ее теплую юбку, застежка которой съехала набок. – Так бывает, когда память начинает подводить. Очень сильно. – Эти слова Бабочка особенно выделила, будто желая отпечатать внутри Марининой головы. – Она путает имена и может заблудиться, если пойдет гулять одна. За ней, конечно, приглядывают соседи, но это не всегда помогает. Понимаешь? – Марина кивнула, хотя не поняла ничего. – Так вот, я хотела попросить, пока ты тут, можешь последить за ней? Она тихая, но иногда плохо слышит, отчего...

И вдруг захрипело, зашумело на кухне, и оттуда полился густой – теперь Марина, кажется, поняла смысл этого слова – мужской голос. Он тянул букву «о», будто позабыл остальные, и его это нисколько не смущало. Марина потянулась к ушам, а Бабочка подбоченилась, поднялась резко на длинных ногах. Марина удивленно уставилась на острые стрелки на ее белых брюках. И ни единого залома, ни единого пятна, в то время как Маринины колготки угрожали вот-вот порваться на больших пальцах.

– Мама! – прикрикнула Бабочка, заглядывая на кухню. – Выруби ты уже это радио!

– Так не слышно же, – отозвалась Маленькая Женщина, когда мужчина перестал надрываться.

У родной Марининой бабушки, маминой мамы, дома тоже стояло трескучее устройство, которое любило жевать виниловые пластинки. Оно издевательски щелкало иглой, донельзя искажая песни из мультфильмов. И в то время как мама с теплом доставала большие конверты из плотной бумаги, на которых были утратившие со временем цвет Лыенок и Черепаха или Паровозик из Ромашково, Марина судорожно искала отговорки, только бы не слышать шипящий и дрожащий женский голос, проникавший под кожу и покалывавший кончики пальцев. Но если дома, в маленьком городке, Марина могла сбежать на улицу, придумав себе дело, – например, убрать кроличьи какашки и поменять воду в поилке, – то здесь ей придется слушать надрывающегося мужчину, ведь одну ее вряд ли выпустят даже в магазин.

Впрочем, рядом с Бабочкой мужчина притих, а мгновение спустя и вовсе замолчал. Зато ее голос зазвучал громче.

– Вот поэтому ты и глохнешь! – возмущалась она.

Заглянув в кухню сквозь висюльки, Марина увидела, как Бабочка угрожающе нависла над Маленькой Женщиной, отчего та стала казаться еще меньше.

– Хорошо хоть, вещи в окно выбрасывать перестала, – устало выдохнула Бабочка и осела на скрипучую табуретку у окна. – И к соседям стучаться. – Из нее разом вышла вся злость. Залитые молочным светом кудряшки перестали блестеть.

Кухня была квадратная, с большим окном во всю стену. Белый подоконник пустовал. Там, где у мамы с бабушкой рядками стояли цветочные горшки, лишь сиротливо лежала забытая желтоватая газета. Места здесь было непривычно мало – всего-то на одну хозяйку или четырех гостей. Вместо стульев небольшой тонконогий столик окружали накрытые лоскутными чехлами табуретки. И, пусть под рукомойником возвышалась гора немытой посуды, вокруг царила чистота – ни пылинки. Сюда будто приходили лишь затем, чтобы погрузиться над песнями хриплоголового мужчины по радио.

– Заходи, чего встала? – Пусть прозвучало невежливо, раздраженных ноток в голосе Бабочки больше не было.

Марина зашла, мягко ступая на носочках, чтобы не издать лишнего звука и не спугнуть витавшее в кухне настроение. Оно – Марина знала по бабушке и маме – у взрослых очень уж напоминало белку, готовую вот-вот сорваться с места и маленькой рыжей пулей взлететь вверх по дереву. Вот только на смену безобидному зверьку обычно приходило существо больше и опаснее. Оно валило на Марину мелкие проступки, даже грязную плиту, к которой она могла и не приближаться вовсе.

Табурет скрипнул. Марина села и поерзала. Квартира Маленькой Женщины всячески пыталась показать Марине, что чужая тут она, – поэтому дула из оконных щелей холодным ветром и приклеивала белые колготки к линолеуму.

После темной и тесной прихожей, будто приехавшей за Мариной из маленького городка, кухня казалась неестественно новой, вырезанной со страниц маминого любимого журнала про ремонт. Но Марина не могла насладиться ее безупречной белизной: взгляд вечно падал на пол – к прилипшим белым колготкам и крохотному пятнышку, которое она поначалу не заметила. Именно в этом пятнышке было столько глупого взрослого несовершенства, что Марине стало не по себе. Как в день, когда мама в первый и единственный раз отвела ее в детский сад. Тщательнее присмотревшись, Марина неожиданно для себя поняла: таких пятнышек-несовершенств тут много.

– Ты хоть ешь? – спросила Бабочка, когда молчание почти раздавило всех сидевших на кухне.

– А? Да, – ответила Маленькая Женщина. До этого напоминавшая вопросительный знак, она вытянулась и развела руками. – Там картошка есть, макароны, сосисочки. Подошвы эти несчастные. – Маленькая Женщина сморщилась, и Марина ее даже поняла: она бы тоже не хотела есть подошвы. – Я бы не покупала их, не покупала. Но эта... оставила на меня... своего этого, а сама ни разу и не приехала даже. Мне его корми, одевай. Так он же нос воротит! Нос воротит, Ань.

– Я Ангелина, – нехотя поправила ее Бабочка, поднявшись и порхнув к холодильнику. С изяществом балерины, видимо, доставшимся ей из прошлого Маленькой Женщины, она обошла каждое липкое пятнышко.

Холодильник распахнул перед ней светящееся пустующее нутро. Марина изумленно вытянула шею. Она привыкла, что у бабушек вечно ломились полки от всевозможных пакетов и стеклянных банок, коробок и пузырьков. Здесь же даже на столе не было кусачей хлебницы, а креманка, обычно заваленная конфетами или квадратиками сахара, печально забилась под подоконник.

– У тебя же тут нет ничегошеньки: ни сосисок, ни подошв. Я схожу до магазина, – вздохнула Бабочка, видимо, тоже опечаленная пустотой. – А то так скоро с голоду помрете – что ты, что Сашка.

Услышав новое имя, Марина опять заерзала. И тут же мысленно вернулась к находке, которая пряталась в рюкзачке. Интересно, много ли таких упрямо висящих медведей болтаются на чужих связках ключей? И если вдруг это он, тот самый, с листа, просто с другим именем, кому о нем сказать? А ведь Толстый Дядя наверняка помог бы. Осталось только дожждаться его.

– А кто такой Сашка? – Слова вылетели маленькими птичками из Мариного рта до того, как она успела запереть их в клетке из ладоней.

– Племянник мой, Анькин сын. – Голос Бабочки напомнил бегущие по весне ручейки. Будто эту текучую фразу она повторяла слишком часто. – Он тяжело болеет, а Анька – кукушка, – добавила Бабочка, и недовольство все-таки отразилось на ее лице, – бросила его на нас. На маму.

– Как же он кричал первые дни, ба-тю-шки, – выдохнула Маленькая Женщина и принялась креститься, будто этот самый Сашка прямо сейчас вновь заголосил в ее голове. – Точно резали его. Соседи-то участкового даже звать хотели!

– И ты помнишь все это? – Щеки Бабочки порозовели. Марине и самой стало не по себе: ведь Маленькую Женщину память подводила настолько, что оставляла в закромах только самое плохое, забирая длинной когтистой лапой все светлое.

– А как не помнить? – Маленькая Женщина вновь потянулась к радио, но Бабочка ловко дернула его за хвост – и, выдернув штепсель из розетки, победоносно махнула им в воздухе. – А потом случилось что – и он вдруг притих. Ты вот такой не была в детстве! – припомнила Маленькая Женщина, и Марина с удивлением заметила, что эта черта роднит всех мам: они, подобно бывалым мореплавателям, путешествуют по жизням своих детей. – Значится, так, – сказала Маленькая Женщина уже ровно, отрезав предыдущую тему, будто ее и не было, – пшенка нужна. И маслице сливочное. Молока три пачки...

Марина принялась задумчиво скатывать колготки к коленям: вот сейчас попросит ароматный кусок хозяйственного мыла, спрячется в полутемной ванной и будет тереть, пока не ототрет каждое грязное пятнышко. Бабочка с интересом наблюдала за ней, пока в одно ухо влетал список покупок, и кивала Маленькой Женщине. Мама тоже так делала, когда собиралась в итоге поступать по-своему. Она называла это непонятным словом «стратегия», а бабушка говорила, что у нее в голове просто ветер гуляет, и обижалась, но ненадолго.

– Ты что делаешь? – не выдержав, спросила Бабочка, когда колготки сползли по щиколоткам.

– Хочу постирать, – невозмутимо ответила Марина, указав на самое заметное темное пятно. – Бабушка, извините, а у вас есть мыльце?

– Ишь, деловая колбаса, – хохотнула Маленькая Женщина, присвистнув беззубым ртом. – Давай сюда, сама постираю. – Она потянулась к Марине руками-ветками с выступающими венами цвета спелых слив. Марина оторопела и не сразу отдала скрученные в валик колготки.

– В ванной есть стиральная машина. – Бабочка закатила глаза так, будто Марина каким-то чудом должна была догадаться. Будто чужой город, проникая в легкие задымленным воздухом, оседал внутри, делая Марину своей неотъемлемой частью. Но она тут же выдохнула город, не желая привыкать к новым правилам.

Дом в этот момент показался совсем уж далеким. Марина попыталась вспомнить, как пахло внутри, когда они с мамой наводили чистоту, вооружившись мокрыми вениками, как трещали в печурке чурбачки, как по весне в приоткрытые окна влетал аромат распустившегося жасмина, а сам он оставлял на подоконнике свои опавшие белые цветы. Но все это вытеснил чужой город, оплетающий Марину тонкой паутиной. Он натягивал нервы, тонкие жилки своей

членистолапой, подцеплял и дергал с умелой осторожностью. Не рвал, нет, берег попавшую в сети розовую мушку, но игрался с любопытством не сумевшего вырасти ребенка.

– Так, Марина, – сказала Бабочка, оставляя за границей невидимой линии и грязные колготки, и незаконченный разговор, – а ты что-нибудь хочешь? Я понимаю, – в усталом голосе вновь зазвенело весенними капельками сочувствие, от которого Марине стало теплее, – что ты наверняка хочешь к маме, домой. Я же не слепая. Не успела я еще превратиться во взрослую скучную тетку. – Она усмехнулась, но как-то кисло. – Хотя уже на полпути к этому, – добавила она тише, только для Марины, пока Маленькая Женщина отвлеклась на молчащее радио. – Так вот, считай, что ты просто в гостях. На неделю, не больше.

Кажется, именно в таких случаях с души что-то сваливается. Марине удалось поймать этот момент – когда кружится голова и дышится легче. Время вдруг перестало быть невнятной размазней, похожей на овсяную кашу, сбежавшую из кастрюли. У него появилось начало и конец. Начало – это сегодня. Оно пролегало там, где стояла Марина, уже без колготок, с покрытыми мурашками ногами. Конец – это следующий понедельник, а может, даже раньше.

– А можно мармелад? – Марина чуть осмелела и потеряла замерзшие ноги, которые не грела теплая пушистая юбка. – Трехслойный, в кокосовой стружке. Он самый вкусный. Мама, – голос чуть дрогнул, но вспомнилось даже не мамино лицо, а бледные руки и деревянная разделочная доска, которую еще деда выстругал, – иногда резала его на полосочки. И насаживала на шпажки. С узелком на конце. – И почему вдруг ее так расстроили мамины пальцы в заусенцах, старый кухонный нож и полосатый мармелад?

– Хорошо, – полушепотом ответила Бабочка и опять опустила на одно колено – голова к голове. Она накрыла ладонями Марины плечи и слегка нажала на ключицы большими пальцами, будто пытаясь найти кнопку, которая отключает слезы. – А червей ты ешь? – вдруг спросила она с опасной хитринкой школьного задиры.

Марина только собиралась возмутиться, что не бывает червей в холода. Ей папа объяснял: они же на это время засыпают, глубоко под земляным одеялом. Но вместо нее подала голос Маленькая Женщина:

– Какой кошмар, Ангелиночка. – По такому случаю она даже не ошиблась в Бабочкином имени. Тонкие руки Маленькой Женщины картинно вспорхнули и медленно, будто и не весили ничего, опустились. – Не пугай ты внучку, бестолочь. Вырастила на свою голову. Вечно вы, молодые, что-то придумываете. Телефоны без кнопок, мясо резиновое, червей каких-то.

– Мармеладных, – выдохнула Бабочка, но уголки ее губ ехидно приподнялись. Марина шмыгнула носом, но не решилась в гостях вытирать его рукавом и улыбнулась. – Я в детстве их обожала. Иногда забегала после уроков в магазин – они тогда намного дешевле стоили – и зависала у прилавка. Никак не могла выбрать между червячками, медвежатами и ягодками.

Человек – это Марина уяснила очень давно – состоит из лоскутков. Как одеяло, чехол на табуретку или старые мамины джинсы. Маленькие и большие, пестрые и блеклые – со временем лоскутки складываются в узор. Узоры эти не всегда нравились Марине, но были хотя бы понятны. Бабочку же из лоскутков собрать не удавалось. И это настораживало.

Так строгая мама любила картошку – с маслом, чесноком и укропом. Веселому папе нравились и мама, и картошка, – но другая, в шуршащих глянцевых пакетах, хрустящая, тонкая и ломкая, от которой потом весь диван в крошках. А бабушка мариновала к ней огурцы – она вообще всё мариновала, – и держала их по несколько лет в холодном погребе, пока те не начинали терять цвет. Порой их совсем не хотели есть, а помидоры из банок так вообще вызывали у Марины ужас, но бабушка продолжала их готовить, такой уж была одна из ее традиций.

Бабушка любила традиции. Мама – строгость. Папа – диванные крошки.

Бабочке же нравились мармеладные червячки, медвежата и ягодки. В далеком детстве, которое не оставило на ее лице даже малюсенького отпечатка.

– Они тягучие? – только и спросила Марина: ей было немного стыдно за то, что она ничегошеньки не пробовала.

И Бабочка тепло, тихо, будто сдувая с ладони крошечное перышко, ответила:

– Да.

В ее «да» неуклюже пряталось столько нежности, что Марине захотелось обниматься, но она лишь сунула указательный палец в свой свисающий возле уха завиток и потянула его вниз, пока тот не распрямился.

Губы Бабочки вновь обратились прямой линией, а сама она встала и принялась нетерпеливо стучать себя ногтями по подбородку, будто вспоминая что-то. Нога ее отбивала ритм, медленно шлепая по полу, пока рот то и дело в задумчивости приоткрывался. Марина встала с ней рядом, осмотрелась: надеялась как-то подтолкнуть застрявшую в Бабочкиной голове мысль.

А где-то наверху катился по полу маленький металлический шарик.

– Значит, так, Мариш, иди за мной. – Бабочка похлопала себя ладонью по бедру.

Так обычно подзывали собак, но Марина, как самая настоящая взрослая, сделала вид, что не заметила этого, и протопала босыми ногами за Бабочкой.

В темном царстве коридора, свет которого явно украли, высосали широкие карманы запертых комнат, Бабочка казалась вовсе не бабочкой, а другим насекомым, маленьким и со светящимся брюшком. А под закрытыми дверьми сияющие белизной полосы безуспешно пытались вырваться и разогнать полумрак, но, совсем маленькие, растворялись в нем.

Шаги, звучавшие в такт тикающим где-то часам, казались слишком громкими. На такие в папиных фильмах всегда охотились, непременно – в полумраке, похожем на тот, который заполнял коридор и накидками лежал на плечах Марины и Бабочки. Марина изучала двери – тяжелые деревянные прямоугольники с врезанными в них блестящими замками – но не могла даже догадаться, что за ними скрывается, кроме украденного света. В квартире явно убиралась. Но она ощутимо пахла болезнью, которую кто-то заботливый всеми силами пытался скрыть.

– Вот тут, – Бабочка завернула за угол и резко остановилась, из-за чего засмотревшаяся Марина едва не влетела в нее, – туалет и ванная. – Она покрутила круглую ручку, в которой тоже виднелась замочная скважина. – Мама порой беспокойная. Она ходит по ночам, открывает двери зачем-то, вытаскивает продукты из холодильника. В последнее время ей легче, конечно. Но, если что, ты всегда можешь от нее закрыться. – Она распахнула дверь и легким движением пальцев провернула защелку. Замок клацнул невидимыми зубами, но так никого и не укусил. – Все ключи на дверце шкафа. Открываешь, а там такой пластиковый кармашек, ты увидишь. Они подписанные, так что ты легко поймешь, какой куда подходит.

Марина слушала с приоткрытым ртом, время от времени кивая. В ее крохотном мирке, состоявшем из мамы, папы и иногда бабушки, ключи означали доверие. Как к настоящему взрослому человеку. Здесь ключи не прятались на верхних полках и не звенели осуждающе в кармане, напоминая, что будет, если они вдруг потеряются. Так странно: ведь если терялась сама Марина, мама тоже ругала ее, словно она это специально. И лишь бабушка защищала, а ее обычно тихий голос становился в такие моменты громким и будто бы великанским.

– Тут, – Бабочка повернулась к двери, обращенной прямо ко входу своим безглазым лицом, – живет Сашка. Он тяжело болен. Очень, – добавила она тоном, прогонявшим все появившиеся в Марининой голове вопросы. – Лучше не суйся к нему. К тому же он не любит гостей. Как-то раз он даже запустил в меня книгой. Засранец.

Марине тут же представился маленький капризный принц, который заперся в своем замке, используя болезнь как щит. Она не мешала жить, но постепенно срасталась с телом принца, делая его все более озлобленным. И он кричал на слуг – будто его резали – и кидался в них книгами, чтобы прогнать. Марина отчасти сердилась на него – того, которого создало

разбушевавшееся воображение, – но при этом жалела. Ведь принцы не должны болеть. И сражаться – тоже не должны, за них это делают рыцари.

– В конце, – Бабочка указала на самую дальнюю, скрывшуюся в тених дверь; чтобы дойти от нее до входа, нужно было обратиться шахматным конем: коридор изгибался буквой «Г», – спит мама. В ее комнате много книг, поэтому, если захочешь почитать, стучись к ней.

Вспомнилось, что в рюкзачок, помимо еды, мятых денег маленького городка и теплого белья, мама положила свою любимую книгу про муми-троллей. Не столько пытаясь приучить Марину к чтению, сколько желая всегда быть рядом. А из-за того, что однажды папа чистил на обложку – прямо на маленьких белых зверьков – воблу, и за это, конечно же, получил от мамы подзатыльник и истерику, – книга напоминала еще и о нем.

– А там. – Бабочка махнула рукой, словно крылышком, указывая на самую светлую дверь, соседствовавшую с кухонными деревянными висюльками, – гостевая. Займешь ее. Раньше там жила я. Пока не съехала, – пояснила Бабочка с таким довольным выражением, с каким обычно делают что-то неправильное, но такое желанное.

– С-спасибо, – змейкой прошипела Марина, вспомнив еще одного гостя своего рюкзачка. – А...

Слово встало в горле, смявшись комом, и отказалось оттуда выходить. Нет, не комом – коконом, откуда выбраться могла лишь самая настоящая бабочка. А взрослым, как Марина поняла за свою коротенькую жизнь, не нравились прозвища, придуманные детьми.

– Что-то хотела спросить? – Впрочем, отсутствие обращения если и сделало Марину в глазах Бабочки невежливой, нисколько ее не смутило.

– Да.

В рюкзачок Марина почти занырнула: он был бесконечным. В его розовое нутро идеально помещались не только школьные учебники, тетради и пенал, но и бутерброды в пленке, термос и игрушки. Но если большие вещи бросались в глаза сразу, то маленькие прятались по уголкам, порой убегая из-под пальцев. Медведь с Бабочкой знакомиться не желал и, даже когда Марина касалась его гладкого бока, тут же перекатывался – под книгу, еду, носочки и расшитые бабушкой платки от соплей.

– Только побыстрее, а то мне в магазин надо. – Марина не видела, что за ее спиной делала Бабочка, но казалось, в этот самый момент она нетерпеливо всплеснула рукой, подгоняя – Марину и время. – И на работу. Я отпросилась тебя забрать, потому что Андрей Геннадьевич попросил. А так ты бы стояла и мерзла на вокзале, пока не превратилась бы в сосульку.

Марина частенько слышала фразы, будто наступавшие на нее, давившие тяжелой виной. Обычно они начинались с «почему» и затрагивали дела, о которых она благополучно забыла. Такие дела казались невероятно скучными: вынести мусор, выискать мошек в баночках с крупой, повесить творог в марле. Но иногда взрослые говорили: «Я помог тебе, будь благодарна» – только чуть иначе. Даже если Марина не просила помогать. Взрослые умело скрывали за чем-то обычным и безобидным колючие обвинения.

Но Марина должна была предупредить, предостеречь. Помочь, хотя ее тоже совсем не просили об этом.

– Вот! – выдала она громко, протягивая на ладони с растопыренными пальцами грязного медведя.

По лицу Бабочки липкой тенью скользнуло негодование, а брови пришли в движение, не совсем понимая – вскинуться или сползти двумя гусеницами к переносице.

– Ну и что это? – Брелок она брезгливо взяла двумя пальцами.

– Помните Ванечку? Того, с листочка! – зачатила Марина, не зная, куда прятать вспотевшие ладони. – Он потерялся еще.

– Да, помню. – Брови все же угрожающе поползли.

– Это его мишка. Я на листочке о нем прочитала, и он похож, видите? Он за шкурку висит, как котенок. Я его в машине нашла, за сиденьем. У Алексея, – продолжала тараторить она, боясь, что в какой-то момент Бабочка оборвет ее. – И я испугалась. А вдруг он что-то знает? Или вдруг это он забрал Ванечку? Ведь это точно его мишка!

Больше всего Марина боялась, что Алексей заберет еще и Бабочку, а следом – и ее саму и даже Маленькую Женщину, спрячет в багажник и увезет туда, где люди обычно пропадают без вести. Как ни пыталась, Марина не могла представить себе это место, но оно определенно было пугающе темным, похожим на запертый погреб без бабушкиных солений.

– Мариш, Лешик – таксист, – спокойным, чуть потеплевшим голосом ответила Бабочка, удерживая за кольцо подвешенного медведя. – Я давно знаю его. И доверяю. Человека честнее еще поискать надо, понимаешь? За день к нему в машину садится не один десяток людей. Но я спрошу, видел ли он того мальчика. Можно посмотреть плакат?

Чудесным образом взрослые находили логичные следы, ведущие к разгадкам. И все становилось простым, понятным и совсем не страшным. Это не привидение, а пиджак на стуле. Это не рука мертвеца, а яблоневая веточка. Это не похититель, а таксист, в машину которого когда-то сели Ванечка и его мама. Порой разгадки лишали мир волшебства. Но сейчас они стирали пыльные следы страха.

Марина протянула листок развернутым Ванечиным лицом, но почти сразу его вернули вместе с медведем – видимо, чтобы все улики хранились в надежном и верном рюкзаке.

– Так, запомнила. – Вслепую Бабочка нащупала в шкафу свою куртку, вырвала ее у черноты и накинула на плечи. – И еще, Мариш: я здесь не живу. Лишь иногда приезжаю. А значит, вы будете втроем: ты, мама и Сашка. Но я буду звонить каждый день. И навещу вас так быстро, как только смогу. – Она, конечно же, приложила ладонь к груди и честно прикрыла глаза. Но почему-то взрослые люди очень уж любили оттягивать это «быстро». – А впрочем, – тут же добавила Бабочка, посмотрев вверх и сняв ответы с потолка, – я загляну послезавтра. К маме с Сашей приедут гости. И я должна лично убедиться, что все пройдет хорошо.

Послезавтра было осязаемым, достижимым, таким близким. Марина в нетерпении потопталась по холодному полу, прижимая к себе то, что бережно хранило отпечаток Ванечки.

– Вы только осторожнее, – все-таки предупредила она. Ведь когда чужой город швыряет тебе под ноги настоящее человеческое горе, это сложно назвать приятным знакомством. Там же, откуда приехала Марина, пропажи людей гремели сотнями голосов, а соседи сплетались в огромную цепь готовых помочь, равнодушных, по-семейному дружных. И теперь Марина старалась тоже быть звеном такой цепи.

– Не беспокойся за меня. – Бабочка расправляла мех на плечах, становясь похожей на белого мотылька, и любовалась собою в мутном полутемном отражении. – Я скоро приду. – Она опустила ресницы, сложила губы бантиком и, достав откуда-то помаду с шелкающим магнитным колпачком, покрасила их. Теперь она будто поела вишни: Марине не слишком понравился этот цвет.

Быстро клюнув Марину в макушку – как бесчисленные родственницы, делавшие вид, что Марина существует, – Бабочка вылетела в дверь. Она спешила за едой и червями. Подальше от квартиры, в которой пахло уж слишком идеальной чистотой и болезнью.

Сказка о Бумажном Принце

1

Жил на свете Бумажный Принц, и был он не хорошим, не плохим, а белым, точно лист, – безволосым и безлицым. Он не умел говорить и ходить, и каждый встреченный оставлял на нем отпечаток – цветной мазок, въедавшийся в гладкую кожу.

Стараясь защитить сына и вырастить из него прекрасного короля, мать, Рогатая Королева, окружала его только правильными людьми – учителями и друзьями, – которые красили Бумажного Принца в нужные цвета. Так у него вскоре появилось лицо; он начал улыбаться и говорить. Зубы его были белыми, губы – алыми, щеки – румяными, а глаза напоминали два болотца, даже с весело квакающими жабами. Людям очень нравились жабы в глазах – и они спешили посмотреть на Бумажного Принца, порой перебегая, пересекая, перепрыгивая и уничтожая все мыслимые и немыслимые границы.

На бледных руках начали появляться родинки черноты – люди не любовались издалека, они подходили и мазали, мазали, мазали. А Рогатая Королева молча осуждала, не делая при этом ничего. Она создала Бумажного Принца, вложив в него свое волшебство, вылепила идеальной белизны куклу с длинными тонкими руками и ногами. Только про сердце забыла. А впрочем, как может помнить о сердце человек, у которого его и не было никогда? В груди самой Рогатой Королевы, прямо в вырезе платья, виднелось стекло, за которым слабо плакала маленькая девочка. Ее Рогатая Королева не любила, прятала за длинными накидками с мягким мехом и не показывала Бумажному Принцу, чтобы тот только не стал как она и не размок от слез.

Рогатая Королева не умела быть мамой – и ухаживать как мама не умела. Она просто злилась под всхлипывания Девочки за Стеклом и тоже мазала единственным цветом, который был под рукой, – черным. Бумажный Принц мрачнел, из глаз пропали жабы, а потемневшие, будто покрытые углем ладони он теперь стыдливо скрывал за перчатками. А потом стыд ушел – как сделали все, кого разочаровал переставший улыбаться Бумажный Принц. Хлопнул дверью, потопал на широченной каменной лестнице, давая понять, что не собирается больше здесь оставаться, и ушел.

Дни и ночи слипались в бесконечное грязное месиво, а когда склеились окончательно, посерели и стали совершенно безвкусными, Рогатая Королева, до этого сидевшая неподвижно и вставшая в трон, жестко стукнула каблуками и медленно поднялась. Оплетавшая ее лоза – такие часто взбираются на что-то разрушенное и безжизненное – оборвалась, свернулась завитками и упала к покрытым пылью черным туфлям.

Послышался плач: Девочка за Стеклом в этот день была особенно громкой. Она колотила кулаками, царапалась внутри и кричала, прижавшись губами к маленькой замочной скважине. Она с Рогатой Королевой делила одни на двоих мысли и теперь всячески пыталась выдворить их из своей головы. Но мысли набухали мокрой ватой и никуда не спешили.

Тогда Рогатая Королева достала маленький ключ – тот висел на груди, прямо перед глазами Девочки за Стеклом, – щелкнула им в скважине да и посадила Девочку в клетку к молчаливому попугаю, только чтобы та не мешала важным и взрослым решениям.

– Собирайте в дорогу Бумажного Принца, – скомандовала Рогатая Королева, вцепившись острыми когтями в стеклянную дверцу, которая тут же пошла мелкими трещинами.

Сына, которого с того момента перестала звать своим, Рогатая Королева отвезла в соседнее королевство, к своей матери, Танцующей Королеве, и родной сестре, Крылатой Принцессе. На Танцующую Королеву когда-то наложил чары колдун – и теперь она вечно кружилась, стапывая ноги и туфли. Ее руки превратились в корявые ветви дерева – даже с листочками, – а

голова безвольно болталась воздушным шариком. Но Танцующая Королева не хотела прерывать свой безумный танец, а ее любящая дочь, Крылатая Принцесса, путешествовала по миру в поисках лекарства, лишь иногда возвращаясь в замок.

– Я не хочу больше видеть его, – властно сказала Рогатая Королева, удерживая за тонкое черное запястье Бумажного Принца. – Он весь запачкался.

– Каждый ребенок пачкается, – ответила ей сестра, Крылатая Принцесса, которая вся была белой, точно выпавший снег. Она поправляла пальцами пышный мех в основании шеи и недовольно дергала усиками, похожими на длинные пушистые брови. – Но это ты, дорогая сестра, сотворила его из бумаги, в то время как сама появилась из кости. Ты могла взять черное железо и сделать сына неколебимым. Могла набрать тростника и сделать сына гибким. Могла спилить дерево и сделать сына крепким.

– Но я хотела сделать сына особенным.

– Особенным делает не материал, а те, кто его касается. Лишь в руках человека меч защищает или убивает, а бумага хранит прекрасные стихи или кормит огонь. Ты можешь отыскать колдуна – таких немало в нашем королевстве, – отдать ему свои длинные волосы, завитые вокруг рогов, или же сами рога. Он очистит Бумажного Принца, сделает из черного – серым. Тебе останется лишь взять в руки краски.

Вот только каждый в зале: и старая Танцующая Королева, и ее дочери, Рогатая и Крылатая, и металлические стражи с пустотой за забралами, – знали, что Рогатая Королева никогда не умела рисовать. Кисти пылились в ее шкафах, лохматились и облезали, а краски трескались и обращались пылью.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.